

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателя учебное пособие основано на курсе лекций по социолингвистике, который читается на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге с 1996 года по настоящее время. В ходе подготовки курса и чтения лекций мы убедились в практически полном отсутствии такого рода пособий вузовского уровня на русском языке, отражающих современное состояние социолингвистики¹, притом что учебники, хрестоматии, различные пособия, изданные на английском, исчисляются десятками. Поскольку в силу ряда причин мы отдаем предпочтение именно англо-американской, а не, скажем, французской или немецкой традиции в социолингвистических исследованиях, читаемый курс базируется преимущественно на англоязычной литературе.

В основу данного издания положены несколько книг, широко используемых в американских и западноевропейских университетах при преподавании курса социолингвистики². Многие теоретические положения, определения, а также конкретные примеры заимствованы в большей или меньшей степени из этих работ; впрочем, такого рода материал составляет не более половины текста настоящего пособия. Все остальное — наши добавления, взятые из других источников или из собственного опыта социолингвистических исследований. Ссылки на книги, указанные в сн. 2, в тексте не даются; вместо этого в конце каждого раздела в списке рекомендуемой литературы приведены соответствующие разделы и страницы этих книг. Источники материала, взятого из других изданий, специально оговариваются.

¹ Единственным исключением может считаться недавно вышедший учебник, написанный В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным (Беликов, Крысин 2001).

² Appel, Muysken 1987; Hudson 1990; Fasold 1995; Fasold 1996; Trudgill 1995; Foley 1997.

Учебное пособие включает следующие разделы: Введение (Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки); Глава 1. Язык и общество (Н. Б. Вахтин); Глава 2. Социальные диалекты (Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки); Глава 3. Отношение к языку. Индивидуальный выбор языка (Н. Б. Вахтин); Глава 4. Коллективный выбор языка: языковой сдвиг и сохранение языка (Н. Б. Вахтин); Глава 5. Коллективный выбор языка: новые языки и конструирование новых идентичностей (Е. В. Головки); Глава 6. Языковая политика. Языковые меньшинства. Двухязычное образование (Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки); Глава 7. Язык и власть (Е. В. Головки); Глава 8. Межличностная коммуникация. Межкультурная коммуникация (Е. В. Головки); Глава 9. Дискурс и дискурсный анализ (Е. В. Головки); Вместо заключения (Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки).

Авторство разделов предлагаемого пособия отражает разделение тем, читаемых в разные семестры. Соавторство в ряде разделов означает, что, в зависимости от изменений в программе, темы переходили от одного автора к другому, а лекции неоднократно перерабатывались.

Основной проблемой для любого изучающего социоллингвистику в России является дефицит литературы. В настоящем учебном пособии приводятся библиографические сведения нескольких типов.

Во-первых, мы сочли необходимым дать список основных публикаций по социоллингвистике на русском языке (см. раздел «Основные публикации...»). Этот список, несомненно, неполон, однако нужно учитывать, что он является отражением не столько эрудиции, сколько вкусов авторов учебника.

Во-вторых, каждая глава заканчивается списком рекомендуемой литературы (основной и дополнительной), и, хотя эта литература в большей или меньшей степени рассматривается, а иногда и пересказывается в соответствующей главе, знакомство как минимум с первой частью списка необходимо для того, чтобы получить достаточное представление об излагаемой теме.

Наконец, в-третьих, в конце книги, в разделе «Литература», приведены все работы, которые так или иначе упомянуты в тексте учебного пособия.

Кроме того, в учебном пособии имеются три указателя: указатель имен, в который включены все фамилии, встречающиеся в тексте и в библиографических списках к главам, указатель географических названий, народов и языков и указатель основных терминов и понятий.

Мы хотели бы выразить особую благодарность всем аспирантам факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, которые в период с 1996 по 2003 год слушали лекции по социолингвистике и социологии языка и участвовали в семинарах. Они постоянно и успешно разрушали монологичность лекционного жанра, не давая нам расслабиться и заостенеть и превращая занятия в увлекательный диалог, исключительно полезный, как оказалось, и для авторов настоящей книги.

Мы будем признательны всем читателям за замечания и предложения по структуре и содержанию данного учебного пособия.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Список публикаций дан по разделам. В первый раздел — *Публикации 1920–1930-х годов* — вошли основные работы русских ученых, опубликованные после революции 1917 года и до начала 1930-х годов, когда социалингвистическая работа в нашей стране фактически прекратилась. Во второй раздел — *Публикации 1960–1980-х годов* — мы сочли возможным включить те немногие исследования, содержащие конкретные данные по языковым ситуациям, социальным диалектам, языковым контактам, которым удалось «пробиться» через цензурные «рогатки». Раздел *Публикации после 1990 года* включает работы постсоветского периода; этот раздел, к сожалению, неполон, поскольку далеко не все публикации 1990-х годов оказались нам доступны. Наконец, последний раздел учитывает основные *переводные публикации* — статьи и книги западных ученых, изданные на русском языке. Литература, включенная в два последних раздела, постоянно пополняется новыми публикациями.

Публикации 1920–1930-х годов

- Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929. (См. переиздание в кн.: Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 216–380; там же см. автореф. этой кн.: Новейшие течения лингвистической мысли на Западе. С. 190–215.)
- Карцевский С. И.* Язык, война и революция. Берлин, 1923. (См. переиздание в кн.: *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 215–266.)
- Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. (См. переиздание в кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977).

- Ларин Б. А. Об изучении языка города // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. (См. переиздание в кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977.)
- Поливанов Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.
- Поливанов Е. Д. Стук по блату // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.
- Поливанов Е. Д. Круг очередных проблем современной лингвистики // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов... // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. М., 1928.
- Шор Р. О. Язык и общество. М., 1926.
- Шпильрейн И. Н., Рейтынбарг Д. И., Нецкий Г. О. Язык красноармейца: опыт исследования словаря красноармейца московского гарнизона. М.; Л., 1928.

Публикации 1960–1980-х годов

- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
- Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.
- Алпатов В. М. Япония. Язык и общество. М., 1988.
- Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский А. И. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М., 1984.
- Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987.
- Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Городское просторечие: Проблемы изучения / Ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. М., 1984.

Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1987.

Зарубежный восток: Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.

Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М., 1977.

Крысин Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Никольский Л. Б. Синхронная социоллингвистика. М., 1976.

Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л., 1972.

Русский язык и советское общество: В 4 кн. М., 1968.

Русский язык по данным массового обследования: опыт социоллингвистического изучения. М., 1974.

Социоллингвистические исследования. М., 1976.

Социоллингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.

Швейцер А. Д. Современная социоллингвистика: Теория, методы, проблемы. М., 1976.

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социоллингвистику. М., 1978.

Язык и личность. М., 1989.

Язык и общество. Л., 1968.

Публикации после 1990 года

Алпатов В. М. 150 языков и политика. М., 1997.

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. (Гл. 5).

Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании: Социоллингвистический очерк. М., 1998.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». М., 1995.

Диахроническая социоллингвистика / Ред. В. К. Журавлёв. М., 1993.

- Дьячков М. В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.
- Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. Проблемы языковой интерференции. Л., 1990.
- Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
- Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1. Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком / Ред. В. М. Панькин. М., 1994.
- Культурно-речевая ситуация в современной России / Ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000.
- Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997.
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.
- Методы социолингвистических исследований. М., 1995.
- Рабинович Е. Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2001. (Разд. 1).
- Развитие языков в странах зарубежного востока (послевоенный период). М., 1983.
- Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Ред. Л. П. Крысин. М., 2000.
- Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Ред. Е. А. Земская. М., 1996. Ч. 2.
- Русский язык сегодня. [Вып.] 1. М., 2000. (Разделы «Социокультурные аспекты функционирования языка», «Речевое общение».)
- Тишков В. А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124).
- Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы междунар. конф. М., 1996.
- Язык, культура, этнос. М., 1994.
- Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова. М., 1990. (Разд. 5.)
- Языки народов России: Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.
- Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
- Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. Т. 1.

Переводные публикации

- Белл Р.* Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979. (См. также повторное издание: Благовещенск, 2000.)
- Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. (См. также повторное издание: Благовещенск, 2000.)
- Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Клемперер В.* LTI: Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998.
- Кристал Д.* Английский язык как глобальный. М., 2001.
- Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
- Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М., 1975.
- Сигуан М., Макки У. Ф.* Образование и двуязычие. М., 1990.
- Язык и моделирование социального взаимодействия / Ред. В. В. Петров. М., 1987.

ВВЕДЕНИЕ

Социолингвистика сформировалась в пределах «материнской» науки — лингвистики — через взаимодействие со смежными областями. Форма этого взаимодействия была различной в разных странах. Так, в США и Англии социолингвистика сложилась как результат взаимопроникновения лингвистики, социальной психологии и культурной антропологии; в Европе (в частности, во Франции) — как результат взаимодействия лингвистики, социологии и философии. Она возникла тогда, когда стали накапливаться факты, которые все хуже и хуже поддавались объяснению через существующие теории языка, и в поисках новых подходов исследователи-лингвисты обратились к смежным наукам. Кроме того, социолингвистика появилась и как ответ на «общественную потребность», прежде всего на процесс деколонизации, повлекший возникновение многочисленных независимых государств, перед которыми встал вопрос о государственном языке, стандартизации языка, соотносительном престиже разных племенных языков и т. п. Эта научная дисциплина существует с того момента, когда лингвисты столкнулись с непримиримым противоречием между постулатами структурной лингвистики («в структурном отношении все языки равны», «все говорящие в равной степени владеют языком» (competence)) и социальной реальностью, в которой ни языки, ни говорящие на них не равны, что ведет к конфликтам и столкновениям. Заметный импульс развитию и распространению социолингвистики в США дало пробуждение в конце 1950-х годов черных гетто и городских окраин.

В разных источниках приводятся разные даты «дня рождения» английского термина «sociolinguistics»: по-видимому, впервые он был употреблен в 1952 году Х. Карри (см.: Coulmas 1997: 1); существуют, впрочем, и другие точки зре-

ния (см.: Le Page 1997: 19). В 1963 году в США был сформирован «Комитет по социоллингвистике», который с тех пор провел более десятка конференций и издал множество книг и сборников. Особенно бурно социоллингвистика стала развиваться начиная с 1970-х годов; во многих американских и западноевропейских университетах стали с этого времени регулярно читаться соответствующие курсы лекций.

КРАТКИЙ ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Самые известные из журналов по социоллингвистике, издаваемых на английском языке, — «Language in Society» (Cambridge University Press, выходит с 1962 года) и «International Journal of the Sociology of Language» (Mouton de Gruyter, выходит с 1974 года). Среди других журналов, ориентирующихся исключительно на социоллингвистическую проблематику, следует назвать «Journal of Multilingual and Multicultural Development» (Multilingual Matters), «Multilingua» (Mouton de Gruyter), «Language Variation and Change» (Cambridge University Press), «Current Issues in Language and Society» (Multilingual Matters), «Journal of Sociolinguistics» (Blackwell).

В 1963 году конференция Американской антропологической ассоциации приняла решение считать сферой своих регулярных интересов область, называемую *этнографией коммуникации*. В выпускаемом этой ассоциацией журнале «Journal of Linguistic Anthropology» социоллингвистическая проблематика занимает важное место. Публикации, посвященные различным аспектам социоллингвистики, постоянно появляются и в других международных научных журналах: «Anthropological Linguistics» (Indiana University), «Language and Communication» (Pergamon/Elsevier), «Journal of Language and Social Psychology» (Sage), «Journal of Pidgin and Creole Languages» (John Benjamins), «Discourse and Society» (Sage), «Discourse Studies» (Sage), «Language Awareness» (Multilin-

gual Matters), «Research on Language and Social Interaction» (Erlbaum), «Text» (Mouton de Gruyter), «Discourse Processes» (Ablex), «International Journal of Applied Linguistics» (Novus), «Applied Linguistics» (Oxford University Press). Статьи на русском языке (в том числе переводные работы), посвященные социолингвистическим проблемам, время от времени публикуются в российских журналах «Вопросы языкознания», «Этнографическое обозрение» и других.

Учебная литература по социолингвистике на английском языке обширна. В Предисловии в сн. 2 перечислены основные учебные пособия. Существует также целый ряд других популярных университетских учебников (см.: Fishman 1971; Bell 1976; Downes 1984; Montgomery 1986; Holmes 1992; Wardhaugh 1992; Romaine 1994; Mesthrie et al. 2000; см. также «The Handbook of Sociolinguistics» (Sociolinguistics Handbook 1997)). Разумеется, есть множество публикаций, посвященных отдельным областям социолингвистики (двуязычие, языковое планирование, язык и идеология и т. д.), которые также могут быть использованы в процессе обучения; на некоторые из них можно найти ссылки в соответствующих главах.

Необходимо указать и несколько хрестоматий, изданных на английском языке, в которых собраны основополагающие, ставшие классическими, работы (или отрывки из работ) таких авторов, как У. Лабов, Д. Хаймс, Ч. Фергюсон, Дж. Фишман, Дж. Гамперц и др. (см.: Language and Social Context 1972; Sociolinguistics 1972; Sociolinguistics 1997; Sociolinguistics Reader 1998; Discourse Reader 1999; Bilingualism Reader 2000).

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Общепринятого определения социолингвистики нет, не в последнюю очередь из-за относительной молодости этой науки. Обычно ее определяют как

область взаимопроникновения социологии и лингвистики, охватывающую все многообразие влияния социальных факторов на язык и языковых факторов на общество.

У. Лабов трактует это понятие несколько уже:

область знаний, изучающая структуру языка и языковые изменения на основании данных, получаемых при исследовании повседневного употребления языка.

Более «социологическое» определение предлагает Р. Хадсон:

Социоллингвистика — это изучение языка в его отношении к обществу. *Социология языка* — это изучение общества в его отношении к языку. Если задача первой — пролить свет на некоторые языковые факты, универсальные или специфические, то задача второй — наоборот: узнать нечто новое об обществе, воспользовавшись языковыми данными. Разница здесь скорее в акцентах, в интересе, чем в предмете изучения.

В предисловии к книге «Социоллингвистика» У. Брайт (Bright 1966) указывает, что эта область знания призвана продемонстрировать систематический характер взаимозависимости между языковыми и общественными структурами и, по возможности, установить причинно-следственные отношения.

В предисловии к сборнику (Advances 1972) Дж. Фишман определяет социоллингвистику как

изучение признаков языковых вариантов, их функций и самих говорящих, с учетом того, что все эти три характеристики (признаки, функции и говорящие) взаимодействуют, меняются и влияют друг на друга в пределах языковой общности... исследование законов или социальных норм, определяющих различные формы поведения в языковых коллективах, которые сами определены через язык.

Этот же автор в другой работе говорит о *социоллингвистике* как об *описательной науке*, которая изучает нормы пользования языком в данной группе, а *социологию языка* относит к *динамическим наукам*; цель социоллингвистики, по Фишману, — поиски ответа на вопрос «Что является

причиной существенных изменений социальной организации функционирования языка и поведения людей по отношению к языку?» (Fishman 1971).

В любом случае, и та и другая область занимается проблематикой, лежащей на стыке лингвистики и социологии, между «языком» и «обществом».

В разные периоды за право стать названием новой области конкурировали разные термины, такие как этнолингвистика, этнометодология¹, лингвогеография, социальная диалектология, социальная лингвистика, этнография коммуникации, социосемиотика, социология языка и, наконец, социолингвистика.

Два последних термина сейчас наиболее распространены (ряд других остались в употреблении, но теперь применяются в более узком значении). Обычно считается, что социология языка — это подход, который использует языковые данные, чтобы лучше понять такие социальные и политические явления, как языковое планирование, языковое строительство и т. п. На долю социолингвистики в этом случае остается роль инструмента, существенно расширяющего горизонты собственно лингвистики, включающего изучение языка в социальный контекст.

ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

М. Халлидей (Halliday 1972) выделил следующие подразделы социолингвистики: макросоциология языка и лингвистическая демография, диглоссия, многоязычие.

¹ Этот термин был предложен социологом 1967; Garfinkel 1974), понимающим пованную им отрасль социологии. Один из результатов исследования в его трактовке — социальная организация разговорно-этого термина первоначально использовалось название для только что возникшей об.

многодиалектность; языковое планирование, языковое строительство и стандартизация; явления пиджинизации и креолизации; социальная диалектология и описание нестандартных вариантов; социолингвистика и образование; этнография речи; языковые регистры и репертуары, переключение кодов; социальные факторы грамматических и фонологических изменений; язык, социализация и передача культуры; социолингвистический подход к языковому развитию детей; лингвистическая относительность; функциональные теории лингвистических систем; этнометодологическая лингвистика; теория текста.

У. Лабов дает несколько иную, хотя и близкую, классификацию тематики социолингвистических исследований: стандартизация языка и языковое планирование; двуязычное и многоязычное поведение; пиджинизация и креолизация; этнография общения; анализ речи; социальное расщепление языка; отношение к языку; стилистика; языковая вариативность; развивающиеся языковые изменения; коммуникативные системы.

В пределах социолингвистики и социологии языка обычно выделяют два больших уровня: *микросоциолингвистику* и *макросоциолингвистику*. Микросоциолингвистика занимается исследованием таких проблем, как:

- а) *пути достижения требуемого результата в речевом взаимодействии*: какими средствами привлекается и удерживается внимание слушающего; как в данном социуме принято начинать и кончать разговор; речевые (и иные) средства, которые для этого используются;
- б) *приобретение и изменение коммуникативных навыков (competence)*: подразумевается умение эффективно порождать и воспринимать сигналы в процессе коммуникации и знание правил «подобающей» коммуникации;
- в) *изучение отношения к языку*: люди «любят» свой язык или «стесняются» его, считают его выше или ниже по статусу, чем какой-либо иной; оценивают собеседников по тому, как они говорят, причем делают это интуитивно.

тивно; задача состоит в том, чтобы выявить, объяснить и доказать эту интуицию;

г) *правила выбора языков и языковых вариантов в разных ситуациях и в динамике.*

В области макросоциолингвистики обычно располагаются

а) *языковые обследования*, в том числе изучение языковых ситуаций в группах, в регионах, в странах, изучение соотношения языков в двуязычных коллективах;

б) *языковые контакты*: изучение последствий, которые имеет столкновение с другим языком — и отчасти с другой культурой — для языков, а также для говорящих на них индивидов и групп;

в) *языковые конфликты и их разрешение*: язык и государство, языковое планирование, языковое строительство;

г) *языковые изменения в связи с общественными изменениями.*

Таким образом, микросоциолингвистика занимается скорее индивидуальной речью в социальном контексте, а макросоциолингвистика — группой и ее языком в социальном контексте.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В РОССИИ

В России заметное оживление интереса лингвистов к социальным аспектам изучения языка началось в 1910–1920-е годы. Появились блестящие работы, многие из которых в каком-то смысле опередили свое время; формировалось новое направление — изучение социальной стороны языка. Социолингвистические исследования были пред-

ставлены как теоретическими работами, так и работами по прикладным аспектам науки; публиковались результаты дескриптивных исследований и популярные обзоры. Наиболее заметный вклад в развитие этой зарождавшейся области знания внесли С. И. Карцевский, Р. О. Шор, А. М. Сегищев, В. Н. Волошинов, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский и ряд других ученых.

Сергей Иосифович Карцевский. Формально основной его работой социоллингвистического плана является брошюра «Язык, война и революция» (Карцевский 1923), в которой автор анализирует прежде всего словарные изменения, произошедшие в русском языке с 1914 по 1920 год. Однако значительное число социоллингвистических наблюдений можно найти и в других его работах, зачастую далеких от социоллингвистики по своей основной теме. Так, в предисловии к книге «Повторительный курс русского языка» (1928 г.) С. И. Карцевский отмечает, что язык есть «социальное установление»: «Здесь открывается широчайшее поле для наблюдений над тем, как говорят различные социальные группы, каков их словарь, произношение, грамматика, над тем, как одна социальная группа заимствует у другой выражения, произношение, даже грамматику...» (цит. по: Карцевский 2000: 101). В другом месте той же книги он пишет: «...внутри одного и того же народа существуют значительные языковые различия, главным образом в словаре, между классами населения» (Там же: 109). По страницам статей и книг С. И. Карцевского разбросаны тонкие замечания об эмоциональной составляющей речи, о метафорах как средстве воздействия на собеседника, о стирании в «советском» языке социальных различий между говорящими, о речевых установках говорящего и речевых стилях.

Розалия Осиповна Шор. В своей книге «Язык и общество», вышедшей в 1926 году, Р. О. Шор в популярной форме излагает новые для того времени достижения западноевропейской научной мысли в области социологии языка. Эта написанная для неспециалистов книга интересна се-

годня прежде всего тем, что она демонстрирует общий вектор развития лингвистики в 1920-е годы, характеризует умонастроения ученых, не мысливших себе в те годы иной лингвистики, кроме социальной. Один из главных выводов сформулирован автором так: «...всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, всякое языковое изменение должно выражать социальные... изменения в жизни того коллектива, достоянием которого язык этот является» (Шор 1926: 100).

Афанасий Матвеевич Селищев. В 1928 году А. М. Селищев опубликовал работу под названием «Язык революционной эпохи» (Селищев 1928). Сама постановка вопроса («язык определенной эпохи», «язык на фоне революции») свидетельствует о том, что автор вполне осознает связь языковых и общественных процессов. Книга — чисто описательная: автор приводит новые слова, новые значения старых слов и возникшие в 1917–1926 годах средства выражения, распределяет их по семантическим группам и комментирует. Эта работа оказала заметное влияние на современников и не потеряла своего значения до сих пор.

Валентин Николаевич Волошинов. Одна из наиболее известных его работ — «Марксизм и философия языка» (Волошинов 1929)² — содержит многие идеи, которые будут позднее вновь «изобретены» и продолжены в социолингвистике. Направленность книги — философская; в ней развиваются многие положения, которые автор, ученик М. М. Бахтина, обсуждал со своим учителем. Приведем три цитаты из этой книги, в которых автор формулирует свое представление о связях между языком и обществом.

В слове реализованы бесчисленные идеологические нити, пронизывающие собой все области социального общения. Вполне понятно, что слово будет наиболее чутким показателем социальных изменений, притом там, где они еще только назрева-

² См. также краткий автореферат этой книги, озаглавленный «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе» (Волошинов 1995: 190–215).

ют, где они еще не сложились... Слово — это та среда, в которой происходят медленные количественные накопления тех изменений, которые еще не успели перейти в новое идеологическое качество, не успели породить новой и законченной идеологической формы (с. 26).

Всякий знак... строится между социально организованными людьми в процессе их взаимодействия. Поэтому формы знака обусловлены прежде всего как социальной организацией данных людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия. Изменяются эти формы — изменяется и знак (с. 31).

Чтобы наблюдать процесс горения, нужно поместить тело в воздушную среду. Чтобы наблюдать явление языка, нужно поместить производящего и слушающего звук субъектов, равно как и самый звук, в социальную атмосферу (с. 56).

Евгений Дмитриевич Поливанов. Крупнейшая фигура, яркий и поразительно эрудированный человек, опубликовавший около 150 работ (несколько десятков остались не напечатанными). В социоллингвистике Поливанов известен прежде всего как ученый-практик, применявший свои обширные знания в области языкового строительства. Он — создатель стандартного алфавита для якутского (1917), узбекского (1922) и азербайджанского (1922) языков. Наиболее значимые работы по социоллингвистике — статьи «Фонетика интеллигентского языка» (1931), «О фонетических признаках социально-групповых диалектов...» (1931), «Стук по блату» (1931) и некоторые другие (см.: Поливанов 1968).

Лев Петрович Якубинский. К нашей теме имеет отношение прежде всего его статья «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» (1931) (см.: Якубинский 1986). Она несет на себе отпечаток времени, однако разбор Л. П. Якубинским утверждения Соссюра о недостижимости языка для говорящих, о невозможности сознательного изменения языка говорящими, вытекающей из произвольности языкового знака, не лишен интереса и сегодня. Автор пытается примирить логически безупречный вывод Соссюра с широко распространенными в послереволюционные годы, общеизвестными и часто успешными действиями, направленными на

развитие «малых» языков, на повышение «культуры речи», на обсуждение различных социальных вариантов языка и сознательный выбор «наилучшего» варианта.

Относительно благополучная для развития социолингвистики эпоха быстро закончилась. Постепенно, особенно после 1926 года, в языкознании стало одерживать верх так называемое *новое учение о языке* (Н. Я. Марр), активно поддержанное властью и провозглашенное «единственным марксистским подходом к языку». Марр выводил любые языковые факты непосредственно из стадий общественно-экономического развития; любые иные идеи он объявлял идеализмом, формализмом, обвиняя их авторов в антисоциальном подходе и даже расизме, — это касалось и тех работ, которые напрямую были связаны с проблемой отношения языка и общества. Господство этой теории длилось более двадцати лет — до тех пор, пока ее бессмысленность и непродуктивность не стали ясны даже властям. Как справедливо пишет В. М. Алпатов, эти годы «...были очень неблагоприятны для развития социолингвистики. Если чисто лингвистические описания языков народов СССР публиковались в немалом количестве, и среди них многие отличались высоким качеством... то сколько-нибудь объективно писать об общественном функционировании языков в СССР было невозможно. <...> Научные исследования заменялись общими декларациями о “расцвете языков под сталинским солнцем”» (Алпатов 2000: 96).

С середины 1950-х годов развитие серьезной лингвистической науки в нашей стране пошло в сторону структурного изучения языка, прежде всего фонологии, морфологии и синтаксиса, позднее — семантики и типологии. На этом пути были достигнуты интересные результаты, однако социальная сторона проблемы оставалась за пределами внимания, а немногие социолингвистические публикации сводились либо к выборочному пересказу западных работ, либо к критике буржуазных теорий, а чаще соединяли и то и другое. Многие книги и сборники 1960–80-х годов начи-

нались словами: «Язык представляет собой общественное явление; этот его характер обуславливает строение языковой системы, ее функционирование и развитие...» и т. п. Однако дальше констатации дело не шло: как именно обуславливает — оставалось неясно. Противоположный подход — взгляд на общество через язык, язык как «диагностическое» средство изучения социальных явлений — вообще не рассматривался. Пожалуй, только в 1974 году была издана книга (под редакцией Л. П. Крысина), выделяющаяся из общего ряда (насколько это было возможно в то время), — «Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения» (см.: Русский язык 1974).

В итоге в «стране победившего марксизма» реальное изучение отражения конкретных общественных процессов в языке не одобрялось; вместо этого власть требовала от ученых, так сказать, «соцреализма в науке» — т. е. изучения не того общества, которое реально существует, а того, которое должно существовать исходя из «теории научного коммунизма».

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В США

В 1920–1930-е годы в США в недрах дескриптивной языковедческой традиции начал формироваться «этнолингвистический» подход к языковым проблемам, наиболее ярким проявлением которого стала так называемая *гипотеза лингвистической относительности*, или *гипотеза Сепира-Уорфа*. Э. Сепир сформулировал положение о влиянии языка на жизнь общества, о невозможности осознания действительности без помощи языка. Его ученик Б. Уорф развил это положение и утверждал, что формы человеческого мышления, а следовательно — и формы человеческого поведения складываются под влиянием того конкретного языка, который является для человека родным: «Люди действуют в конкретных ситуациях так же, как говорят о них» (цит. по: Murray 1998: 20; см. также: Кронгауз 2001: 107 и сл.). При

всей спорности этих положений они оказали существенное влияние на развитие американской лингвистики в целом и социолингвистики в частности.

1950-е годы ознаменовались в США, как и в России, ростом интереса лингвистов к формальным задачам. С выходом в свет книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» в 1957 году (Chomsky 1957) началась так называемая *хомскианская революция* в лингвистике, в основе которой лежал принцип формализации описания. Однако поскольку объект изучения лингвистики чрезвычайно сложен, для создания формальных правил описания языка лингвистам пришлось пойти на жертвы: реальный язык был «очищен» от конкретных коммуникантов, рассматривались лишь идеальные говорящий и слушающий; не учитывались никакие функции языка, кроме коммуникативной; лингвисты ограничились анализом языковых единиц не больше предложения; наконец, были введены понятия *competence* и *performance*³.

Основоположник современной американской формальной лингвистики Н. Хомский отделил изучение системы языковых правил (*competence*) от изучения индивидуальных и социальных правил, определяющих контекстное использование языковых структур (*performance*) (Chomsky 1965). *Competence* относится к идеальному говорящему, идеальному единому языку, абстрагированному от контекстных ограничений; *performance* — к человеку во власти контекстных ограничений, т. е. всего того, что определяет конкретную форму его речи. *Competence*, по Хомскому, лежит в биологической сущности человека; в этом отношении люди не различаются. *Performance*, напротив, специфично для конкретной культуры, контролируется общественными и культурными ограничениями.

³ Существует несколько вариантов перевода терминов *competence* и *performance* на русский язык: **performance**: *исполнение*; либо *речевая деятельность*; либо *языкоупотребление*; **competence**: вообще не переводят, пользуясь словом *компетенция* (хотя это не совсем точно).

Этот подход, т. е. господствующее в тот период понимание природы языкового *competence*, получил название, с легкой руки Хомского (Chomsky 1966), «картезианская лингвистика» (по имени Рене Декарта, 1596–1650) как индикатор того, что данная теория якобы опирается на Декарта — с его акцентом важности для сознания врожденных идей, с его аналитической, универсалистской, «механической» методологией.

Если формально-грамматическое направление лингвистики иногда называют картезианским, то параллельную ему интеллектуальную традицию, которая лежит в фундаменте социального подхода к языку, Д. Хаймс предлагает называть *гердерянской лингвистикой* — как признание того импульса, который получила лингвистическая мысль от И. Гердера (1744–1801), с его акцентом на язык как определяющий фактор культурной самобытности (*cultural identity*), на первичность языка по отношению к разуму и на методологию анализа культурных различий.

Говоря об американской социолингвистике, не следует искать в ней принципиально новых идей и новаторских подходов. Многие важные вещи были известны достаточно давно: и раньше знали, что взгляд на язык с точки зрения общества может пролить свет на многие языковые проблемы и, наоборот, что изучение языка может многое рассказать об обществе. То новое, что возникло в 1960-е годы, — это масштаб, широта распространения новых идей. При этом социолингвистика так бурно развивалась в последнюю четверть XX века и развивается до сих пор не вследствие кабинетных рассуждений, а благодаря эмпирическим открытиям, сделанным иногда на весьма экзотическом материале. Даже первые, ставшие классическими, работы опирались на данные, собранные «в поле»: статья Д. Хаймса «Этнография речи» 1962 года «ориентирована на предстоящую полевую работу» (цитируется русский перевод: Хаймс 1975: 46); книга Дж. Фишмана «Социология языка» (см.: Fishman 1972b) — на данных по функционированию английского языка в Пуэрто-Рико, Танзании, Индии, Малайзии и на Филиппинах.

Основные идеи, легшие в основу современной социолингвистики, четко сформулированы уже в классических работах начала 1960-х годов. В качестве иллюстрации можно привести три наиболее показательные и интересные работы: Ч. Фергюсона, Дж. Гамперца и Дж. Фишмана.

Чарльз Фергюсон (Ch. Ferguson). В своей работе «Diglossia» (Ferguson 1959) Ч. Фергюсон показал, что во многих языковых общностях наблюдается ситуация, когда люди используют один вариант языка дома (чаще это местный диалект), а другой — в общественных местах (чаще это стандартный язык). Такую ситуацию он предложил называть *диглоссия*. Это понятие Ч. Фергюсон исследовал на четырех примерах: арабский, новогреческий, швейцарско-немецкий и гаитянский креольский языки. Он ввел два термина: стандартный вариант — *H* (high) и местный вариант — *L* (low). Основным признаком диглоссии — специализация функций *H* и *L*. В одном наборе коммуникативных ситуаций подходит только *H*, в другом — только *L*.

Во всех случаях говорящие относятся к *H* как к более престижному варианту. Иногда это отношение настолько ярко выражено, что люди могут вообще отрицать наличие *L*. Так, говорящие по-арабски могут сказать о ком-то (на *L*), что он «не знает арабского», что может означать, что он не умеет говорить на *H*. Образованные арабы будут утверждать, что вообще не говорят на *L*, хотя прямое наблюдение за их языковым поведением покажет иное. Образованные гаитяне также скажут, что всегда говорят только по-французски, хотя это не так.

Варианты *H* и *L* по-разному осваиваются. *L* осваивается детьми: это язык, на котором взрослые говорят с детьми и дети говорят друг с другом. Он усваивается естественно; это — родной язык. Дети, конечно, иногда слышат *H*, но начинают учить его только в школе. Это различие важно: все осваивают *L* естественным путем, без изучения грамматики и без усилий; соответственно и отношение к нему —

как к родному, естественному, удобному; знание *H* зависит от длительности и качества образования.

Таким образом, *диглоссия* — это

относительно устойчивая ситуация, в которой, помимо диалектов языка... существует очень непохожий на них стандартный, часто грамматически более сложный вариант, язык литературы, который усваивается в основном в школе и используется для большинства письменных и формальных целей, но никогда не используется для обычного разговора.

Диглоссия отличается от более обычной ситуации со стандартным языком и местными диалектами. В последней стандартный язык может употребляться в повседневной речи. В случае диглоссии этого никогда не происходит: это считается искусственным, педантичным (арабский, греческий) или нелояльным по отношению к своей группе (Швейцария, Гаити).

Понятие диглоссии и анализ диглоссных ситуаций оказались чрезвычайно продуктивным и мощным инструментом анализа, в том числе и политического. Часто исследователь, хорошо усвоивший этот аппарат, способен давать точные политические прогнозы развития языковой ситуации, результатов дискуссий о языке и т. п.

Джон Гамперц (J. Gumperz). Статью «The Speech Community» (Gumperz 1968) Гамперц начинает с того, что языковые явления могут изучаться как в пределах самого языка, так и в социологическом контексте. В последнем случае изучается использование языка в той степени, в какой оно отражает более общие поведенческие нормы в пределах некой области, которая определяется социально. Эта область и есть *языковая общность*, т. е.

любое объединение людей, которое характеризуется частым и регулярным общением с помощью общего набора словесных знаков, отличающегося от аналогичных объединений значимыми различиями в использовании языка.

Очень существенно, что под это определение подпадают не только два коллектива, говорящих на *разных языках*, но и два коллектива, говорящих на *вариантах одного языка*.

Далее, Гамперц выделяет два типа различий: диалектные и «наложенные» (*superposed*). Что касается *наложенных* вариантов, то к ним относятся те, которые определяются разными видами деятельности в пределах одной языковой общности: например, язык формальных выступлений, технических обсуждений, религиозных ритуалов никогда не совпадает с языком обыденного разговора с друзьями. *Выбор языка* определяется границами, существующими в обществе.

Другое важное понятие социолингвистики, которое вводит Гамперц, — *отношение к языковому выбору*. Разные варианты, которые существуют и взаимодействуют в данной языковой общности, имеют функции установки границ группы по принципу «свой—чужой». Когда какой-либо вариант становится для группы престижным как символ ее единства, мы говорим о *языковой лояльности* (термин Дж. Фишмана). Языковая лояльность объединяет различные социальные группы и классы, члены которых могут дома, в семье сохранять свои говоры, т. е. говорить иначе; она может получить политическое значение, мобилизовав политическую активность какой-либо группы.

В конце статьи Гамперц вводит еще одно важное понятие социолингвистики — *языковой репертуар*, т. е. совокупность диалектных и наложенных вариантов в пределах одной языковой общности. Как аналитическое понятие, языковой репертуар помогает установить прямые соответствия между его составными частями и социально-экономической структурой общества.

Джошуа Фишман (J. Fishman). В классической статье Дж. Фишмана «The Sociology of Language» (Fishman 1972a) содержится ряд идей, многие из которых впоследствии послужили основой для формирования целых направлений социолингвистики. Она начинается с описания предмета со-

циологии языка: эта область знания исследует взаимодействие между двумя аспектами человеческого поведения (использованием языка и социальной организацией поведения) и занимается всеми аспектами и темами, связанными с социальной организацией языкового поведения, включая не только сам язык, но и отношение к языку и к тем, кто этим языком пользуется.

Согласно Дж. Фишману, в социологии языка можно выделить три части:

- 1) *описательную социоллингвистику* — изучает принятую в данной языковой общности форму социальной организации использования языка — т. е. отвечает на вопрос «Кто говорит на каком языке с кем, когда и с какой целью?»;
- 2) *динамическую социологию языка* — отвечает на вопрос «Чем вызываются значимые изменения в социальной организации языкового функционирования и языкового поведения?»;
- 3) *прикладную социологию языка* — связана с языковым планированием и языковыми конфликтами.

Описательная социоллингвистика занимается описанием *языковых ситуаций*. В работе Дж. Фишман вводит (почти одновременно с Дж. Гамперцем) два важных для этой науки понятия. Первое — *выбор языка из языкового репертуара*. Задача описательной социоллингвистики, по Фишману, — описать общие и нормативные модели использования вариантов языка или разных языков в пределах языковой общности так, чтобы показать систематический характер переключений с языка на язык (с варианта на вариант) в пределах группы индивидов, имеющих общий репертуар.

Второе — понятие *речевой ситуации*: два собеседника, соотносящиеся друг с другом определенным образом, общающиеся на определенную тему в определенной обстановке. Эти параметры — собеседники, их отношения, тема разговора и обстановка — не зависят один от другого. Из-

менение ситуации может потребовать речевого сдвига; в свою очередь, речевой сдвиг может быть сигналом изменения ситуации:

...что является, а что не является различными ситуациями в отношении использования языковых вариантов — зависит от внутренней социальной организации данной языковой общности.

Дети (члены общности) постепенно и неосознанно осваивают социолингвистические коммуникативные знания (*sociolinguistic communicative competence*) — правила языкового поведения. Одна из главных задач описательной социолингвистики — определить, где именно в данной общности проходят границы, разделяющие класс ситуаций, для которых принят один языковой вариант, и класс ситуаций, для которых принят другой вариант. Такие классы ситуаций Дж. Фишман называет *domains*⁴ (области, сферы доминирования вариантов языка). Установить эти «области», релевантные для данного общества, путем наблюдения над разными ситуациями и экспериментов с разными вариантами, сгруппировать эти ситуации в «области» — вот задача описательной социолингвистики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

- Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. М., 1998. С. 244–252 (Разд. «Е. Д. Поливанов»), 267–272 (Разд. «Лингвистические идеи книги “Марксизм и философия языка”»).
- Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980. С. 26–29 (Введение), 30–52 (Разд. 1. Проблемы и принципы изучения вариативности), 154–191 (Гл. 5. Переключение кодов: биллингвизм и диглоссия).
- Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 34–41.

⁴ В современных публикациях на русском языке в качестве перевода этого термина встречается слово *домейн* или *домен*.

- Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М., 1975. С. 182–198.
- Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931.
- Поливанов Е. Д. Стук по блату // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 152–160.
- Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968а.
- Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов... // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968б. С. 206–224.
- Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Там же. 1968в. С. 225–234.
- Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М., 1975. С. 42–95.
- Fasold R. The Sociolinguistics of Society: Introduction to Sociolinguistics. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995 [1984]⁵. Vol. 1. P. 34–57 (Ch. «Diglossia»).
- Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. P. 1–12.

Дополнительная литература

- Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. [Введение] // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974. С. 5–28.
- Карцевский С. И. Халтура // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 210–214.
- Леонтьев А. А. и др. [Предисловие]. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 7–30.
- Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. М., 2001. С. 425–558 (Разд. 6. Как это было: воспоминания [О. М. Фрейденберг, И. Е. Аничков, А. С. Чикобава, С. Б. Бернштейн и др.]).

⁵ Здесь и далее в аналогичных случаях в квадратных скобках указан год первой публикации работы.